

Миновал год Островского, когда мы отмечали 150-летие со дня рождения великого драматурга, чье творчество так тесно связано с костромской землей. Но имя Островского по-прежнему не сходит с газетных и журнальных страниц. Готовится к большому юбилею Московский академический Малый театр, которому исполняется ныне 150 лет. Снова и снова обращаемся мы к истории театра Островского, находя там, в прошлом, немало интересного и поучительного.

Афиша гласила: «В Большом театре в среду, 14 января 1853 года, императорскими российскими актерами представлено будет в пользу актрисы г-жи Никулиной-Косицкой в первый раз «Не в свои сани не садись». Комедия в 3 действиях, соч. А. Н. Островского».

День 14 января 1853 года рецензенты сразу вписали в лептос театр как один из самых важных и памятных: «замечательнейшим из всех блистательных представлений» называли они этот спектакль. Публика в волнении вызывала на сцену исполнителей, и особенно громко, настойчиво вызывали автора, сидевшего у самой сцены в директорской ложе. Островский выходил, смущенно кланялся: его первый раз в жизни чувствовала восхищенная публика, он был счастлив.

В дальнейшем, в 1885 году, Островский напишет: «В бенедикт Л. П. Косицкой 14 января 1853 года я испытал первые авторские тревоги и первый успех». Светлым праздником в своей жизни считали этот незабываемый спектакль и Косицкая, и Островский.

Для драматурга и актрисы предыдущие годы были до предела тяжелы. Театральное на-

чалство и недоброжелатели из прессы обвиняли артистку в творческом спаде. «Г-жа Косицкая, к сожалению, слабеет с каждой новой ролью», — писал в ноябре 1852 года журнал «Пантеон». Управляющий московскими театрами композитор А. Н. Верстовский так прямо и написал петербургскому начальству: «Прошло уже время для Косицкой». Артистке же исполнилось в 1853 году всего 26 лет...

Островского мучали другие заботы и тревоги. Не было никакой возможности прорваться на сцену его пьесам. Положение казалось безнадежным.

Черная тень резолюции, начертанной рукою Николая I на первой комедии Островского: «Напрасно напечатано, играть же запретить», отражено ложилась и на последующие пьесы, столь долго преграждая им доступ в театр.

И вот — триумфальный успех пьесы «Не в свои сани не садись», высоко поднявший престиж и драматурга, и актрисы...

Островский подметил уже давно особенность таланта Косицкой — национальную его окраску — и стал писать роль «на нее». Развеселая вдовушка Анна Ивановна в «Бедность не порок» надолго сделалась короной ролью Косицкой; эту этапную для себя роль она с огромным успехом будет играть до конца своей короткой жизни.

В первой половине октября 1859 года Островский впервые прочел «Грозу» в доме Любови Павловны Косицкой. Пришли все ведущие актеры московского театра: Пров Михайлович Садовский, супруги Васильевы, Варвара Бороздина, Рыкалова и некоторые другие.

После чтения пьесы Островский сообщил, кому какая роль назначается. Центральная роль Катерины предназначалась Любови Павловне Никулиной-Косицкой. Почему же не Е. Н. Васильевой, как предполагалось раньше?

«Все лучшие произведения мои написаны мною для какого-нибудь сильного таланта и под влиянием этого таланта», — это признание драматурга. Только Косицкая может вдохновенно сыграть Катерину. «Для пьес Островского, — писал литератор Берг, — она была чистое золото. Более русского типа, со всеми условиями нежной русской души, нельзя было найти нигде. В особенности она была хороша... в роли Катерины. И самая эта роль создавалась... как бы для нее». Островский знал историю ее необыкновенной жизни. Она приняла полной мерой все: ужасы крепостной жизни в детстве, сказочные удачи в середине жизни и неисчислимые бедствия в ее конце, а прожила Косицкая всего 41 год.

Дочь крепостного Павла Алексеева трижды перепродавалась вместе со всей семьей помещикам, из которой двое отличались изощренной жестокостью. И только от третьего чудом удалось выкупиться на волю. Четырнадцатилет от роду Люба уходила из семьи «в люди», нанимаясь в услужение в Нижний Новгород к купчихе Прасковье Аксеновне Долгановой. Девочке повезло: она попала в дом, бывший средоточием культурной жизни в городе. В этом доме бывали писатели, поэты, артисты, здесь музицировали, читали стихи, пели...

Выросшая на Волге, слышавшая много народных песен, пела и Люба. Ее звали к го-

стям, она пела и им, а потом кидалась на колени отмаливать у бога суетный грех этот: с детства она была экзальтированно религиозна. По милости хозяйки Люба два раза побывала в театре и на всю жизнь им заболела. Шестнадцати лет пошла «показаться» антрепренеру нижегородского театра Никольскому. Едва только Никольский услышал ее чарующий, необыкновенной силы голос, как тут же принял Любу в труппу. А через три месяца полуграмотная, с трудом разбирающая письменное и умеющая читать только церковно-славянские тексты девушка уже пела ведущие партии в операх К. Вебера и А. Н. Верстовского.

Положение «примадонны» за 4 года пребывания Косицкой в нижегородском, а затем в Ярославском театрах было достаточно прочным, но неудержимо манила Москва. Там с юной дерзостью и превеликими трудами она пробилась к всеильному Верстовскому, и в его кабнете повторилось то же самое, что и в Нижнем. Верстовский принял Косицкую безоговорочно. И через год после окончания театральной школы Любовь Косицкая была принята в московский театр актрисой.

Зрители с дешевых мест — интеллигенция и «простой народ» — сердечно и долго любили «свою» актрису, радующую их простотой и естественностью своей игры. И Катерина у Косицкой получилась простой, наивной, поэтичной фантазеркой, доверчивой и житейски неблагодарной, но решительной и упорной в защите своей любви. Такой же была в жизни сама актриса.

Н. БЕЛЕВСКАЯ.